

Валерий Иванов

**Кто подставил
Ратмира Котрандашева**

16+

Валерий Иванов
Кто подставил Ратмира
Котрандашева

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62044696
SelfPub; 2020*

Аннотация

Ратмир Котрандашев подозревается в убийстве своей подруги Эллы. Молодой адвокат Павел берется за это дело. Но что-то не понятное и загадочное происходит с ним во время его расследования.

Ратмир Котрандашев, обвиняемый, докуривал сигарету, которую он попросил у сидевшего напротив него адвоката. Юрист двадцати семи лет Павел Салтахов был назначен адвокатской конторой молодому человеку для защиты в суде по обвинению в убийстве. Павел довел до сведения Ратмира, что не имеет смысла что-либо скрывать и что лучше говорить в суде только правду. Но тот, казалось, никак не хотел признавать себя виновным. Адвокат пояснил ему, что не сможет помочь Ратмиру, если он не поможет и не расскажет о том, как все происходило.

В комнате для свиданий было серо и отдавало пустотой. Приколотые деревянный стол и стулья напоминали об ограничении свободы.

– Нет, гражданин адвокат, – Ратмир докурил оставшуюся часть сигареты, сделав глубокий вдох, не спеша, стал выдыхать. – Я никого не убивал. Больше мне сказать вам нечего.

Павел сложил в папку листки бумаг, разложенные на столе. Поднялся и собирался уходить, как Ратмир его остановил.

– Сколько мне могут дать, гражданин адвокат? – спросил он, глядя на стену, словно увидел там что-то необычное.

Когда Ратмир повернул голову в сторону адвоката, Павел смотрел ему прямо в глаза. В них не было никакого ни рассказа, ни сожаления, его взгляд выражал лишь непонимание.

«Как странно, – подумал Павел, – сказать, что он преступник, то же, что сказать, что он Папа Римский».

– Я постараюсь, чтобы суд отправил тебя на медицинское обследование.

Ратмир выдохнул, схватившись за голову.

– Да не трогал я никого! Я не знаю... – он не знал, как оправдать себя. – Не было меня там!..

Потирая ладонями лицо, Ратмир в отчаянии не мог найти подходящих объяснений. В этот момент, казалось, он забыл, где находится. Павел, понимая его страдания, не знал, что сказать, положение обвиняемого ему представлялось безнадежным.

Наконец подозреваемый молодой человек пришел в себя. Его лицо, находясь в задумчивой позе, укрытое ладонями, будто вынырнуло. Он замер, посмотрел на адвоката. Его взгляд был сосредоточенным, с признаками безумия.

– Это Елка! – выдавил он, сам не веря своим словам.

Он вновь обхватил голову, утопив пальцы в волосах.

– Это она все сделала, вы еще не знаете, что это за человек...

Ратмир, шевеля пальцами густые черные волосы, внезапно оставил свое занятие и снова пристально посмотрел на адвоката. Его взгляд теперь выглядел полностью безумным, и он обращался, скорей, к самому себе, чем к Павлу.

– ...Может, это... и не человек вовсе?!

Начало

Павел спустился по цементной лестнице и направился в сторону главных ворот.

Двадцать пятое мая. Среда. Ярко светило утреннее солнце. За высокими стенами учреждения у берез набухали первые почки. Недалеко от крыльца прыгали, перекрикивая друг друга, воробьи, путаясь под ногами, пружинисто отскакивая от асфальтной поверхности, щебеча, прося во все свое птичье горло чего-нибудь съестного. Павел обратил на них внимание, еще раз удивился прозорливостью этих крошечных существ. Тут же вспомнил, что у него ничего нет в карманах, прошел мимо прожорливых птиц.

Ратмир, очевидно, что-то скрывал и не говорил правды или же, наоборот, говорил с ним откровенно. Парень, как показалось Павлу, не был похож на хулигана. Тогда кто-то или...

Его мысли прервал сигнал автомобиля, он обернулся. Новенький серебристого цвета Mitsubishi, пропустив бросившегося перейти дорогу пешехода, повернул в сторону ворот и въехал на небольшую площадь СИЗО.

Машина адвокату показалась знакомой. Павел попытался рассмотреть номер, остановившись, пока автомобиль проедет мимо, посчитал, что это поможет восполнить пробел в памяти. Но из другого угла ворот появился ГАЗ, словно затаившись, Павел, задумавшись, не ожидал появления милицкого зака. Очнувшись от сигнала гудка, не его ожидал появления. Он машинально посмотрел на зарешеченное ок-

но и встретился взглядом с милиционером, сидевшим у окна автомобиля. В этот момент сыграло то же ощущение, что и при виде иномарки. Конвоир показался знакомым Павлу. Затемненное лицо, прикрывавшееся его кепкой с блестящей кокардой, будто пронизывало взглядом. Возможно, подумал Павел, что он уже где-то видел этого конвоира. Когда показались черты лица милиционера при отраженном от белой стены СИЗО солнечном свете, Павел почувствовал, что он знал этого человека. Это была не мимолетная встреча на улице или в зале заседаний. Глаза, которые он успел разглядеть в тени козырька, породили ощущение, что человек был его ближайшим другом или родственником.

Но Павел не мог вспомнить кого-либо, работавшего в конвойном подразделении. Времени понаблюдать за вышедшими из машины конвоирами не хватало, и, шагая вдоль начинающих зеленеть деревьев по тротуару, он направился к главной дороге.

Утро следующего дня Павел встретил словно в тумане. Ему снился сон.

Золотисто-ослепительная летняя поляна, окруженная ярко-белесыми березами и усеянная цветами с голубыми лепестками. С правой стороны доносилось щебетание невидимых птиц. Разносясь эхом, трель доносилась уже со всех сторон. Это напомнило детство, летние каникулы в Краснодарском крае. Вдруг Павел почувствовал легкое прикосновение к лицу, где-то из подсознания стало накатывать ощущение,

что бесполезно сопротивление возрастающего в нем волнения. Его охватило ощущение покоя, казалось, что позади него стоит нежная, влекущая в свой волшебный и загадочный мир красивая и молодая девушка. И пусть, думал Павел, она даже неизвестна и не виден ее лик, но где-то внутри себя он тут же пообещал себе всегда быть рядом только с ней. Руки девушки слегка касались его лица. Присутствие тепла приятно разливалось по всему телу. Появилось ощущение свободы. Павел был даже готов отправиться в самые потаенные, глухие, недобрые и темные углы земли. Реальность понемногу отходила в сторону, забывалась.

Все оборвалось так же внезапно, желание полета сменилось страхом. Ужасным ощущением потерять ее руки оборвало чувство зарождавшегося счастья. Павел был готов остаться даже на вечность с прекрасной незнакомкой, ему не хотелось расставаться с ее ладонями. Но теперь какая-то неведомая сила заставляла их отнять от себя силой его же рук.

Быстрая смена картины. Появилась все та же поляна, исчезло ощущение страха, прозрачное бирюзовое небо открылось его взору. Молодой человек наблюдал, не поднимая головы, и нечто мягкое почувствовал под головой. Появилось странное легкое опьянение. Захотелось узнать, что все это значит, но Павел, словно получая ответ на еще не заданный вопрос, увидел склоняющееся над ним девичье лицо. Он понял, что лежит на ее коленях. Миловидное лицо, как показав-

лось Павлу, наблюдало за ним. Очертания девушки находились глубоко в тумане, поэтому лицо было невозможно рассмотреть. Чувства беспокойства словно и не было. Напротив, его душа находилась в нежном упоении, было хорошо, и никуда не хотелось бежать. Он чувствовал ее доброту. Ее губы шептали, не скрывая своей заботливой нежности, но, что говорила она, он не мог слышать. Губы едва угадывались в нависшем алым цветом тумане, опьяняя его и маня. Появилось неудержимое желание припасть к ним, этим нераспустившимся бутонам. Павел решил сделать попытку приподняться. Но как только он это сделал, ее лицо внезапно стало меняться и, без того невидимое, тускнеть, приобретая грубые очертания. Парню показалось, что девушка испугалась. Чего-то или кого-то. Она стала махать руками прямо перед его лицом. Вдруг, словно увлекаемая сильным ветром, она стала медленно исчезать где-то в тумане.

Павел почувствовал одиночество, ощущение внутреннего потрясения. В его голове возникло легкое завихрение, мысли засасывало в воронку, унося в темноту. Будто он перебрал алкоголя и теперь, закрыв глаза, ожидал быстрого облегчения. Но вот наконец сейчас наступит момент, когда его стошнит и наступит освобождение, но рвота, словно становясь маслом, застревая, превращаясь в кусок сыра, мешаясь в горле, не давала вырваться наружу остаткам нерастворенной пищи...

Наконец Павел проснулся, ощущая на себе пот. До подь-

ема оставалось еще около часа. Откинул одеяло. Сбрив в ванной суточную поросль, почистив зубы, еще раз сполоснул лицо свежей струей и пошел на кухню. Стараясь забыть чудесный сон, превращенный в предутренний кошмар, достал из шкафа пакет макарон, бросил в кипящую воду. По радио передавали утренний гимн. Отключив приемник, ушел обратно в комнату. Сквозь зашторенные окна пробивались лучики солнца, начинался рассвет. Молодой адвокат, разложив на полированном столе принятые из адвокатуры бумаги, принялся старательно вникать в их суть.

– Хм... – глядя на них, задумался Павел.

Внимательно изучая уголовное дело по убийству В. А. Панкратова, он заметил, что оно действительно больше походило на некую мистическую трагедию, чем на случайное или умышленное убийство, подмеченное в шутку его коллегами со стажем.

В этой папке существовало мало фактов доказательства вины Ратмира.

«Ведь если верить парню, – размышлял Павел, почесывая указательным пальцем нос, – почему он так долго отсутствовал, вернулся, поговорил бы с этим...»

– Хм, да...

По свидетельству очевидцев, на кухне, где находились отчим Эллы и ее друг, они видели временное колыхание лампы. Но кого-либо, кто входил или выходил до светопреставления из дома, как ни странно, они не заметили. Однако же

специалистами было установлено, что Ратмир вновь появился в доме после смерти убитого, находясь не более двадцати минут на улице после первого посещения. Так показывало следствие.

Далее из документов дела не следовало ничего, что могло бы помочь обвиняемому.

Но вот что было интересно, заметил вдруг адвокат: время оставления отпечатков пальцев на вещах, размещенных на кухне, различалось. Но и другое Павла смущало, а именно: кровь на курточке подозреваемого соответствует крови убиенного, но отличается временем, когда было совершено преступление, от времени оказавшейся уже свежей крови на одежде Ратмира. Но также следствием по анализу криминалистов установлено еще более непонятное, что, собственно, и вызвало подозрение, указав на намеренное преступление человека, который сидит под следствием вот уже более девяти месяцев. Кровь была именно там, где могла бы попасть на одежду при совершении убийства, однако подозреваемый – молодой человек Котрандашев – отрицает свои действия, полностью отказываясь от предъявленных ему обвинений.

«Но ведь тут же ясно указано, – продолжал он размышлять, закончив читать листы, – его отпечатки... Кровь не могла оказаться на его куртке, когда он перетаскивал тело... Хм, этот момент можно ухватить для его помощи... Но... – вспомнил Павел, делая вывод, – зачем ему это было нужно делать? Быть может, он решил ударить его за нанесенную

обиду своей подружке, но не рассчитал силы, хотя, судя по его поведению, мне кажется, парень он все же не из таких людей».

Вновь обратившись к папке, пробегая по строчкам дела, Павел вдруг вспомнил разговор с Котрандашевым, он вновь засомневался, что Ратмир мог совершить убийство. Впрочем, все возможно в этом мире, воздушный шар может быть наполнен газом, философски посчитал он.

– Ладно, – произнес он вслух, собрав листы дела.

Он встал из-за стола. «Надо начинать хоть в чем-то разбираться. Начну все сначала», – подумал он.

Павел внезапно вспомнил о кастрюле, которая уже мощно бурлила, разбалтывая в себе макароны.

– Э-эх, вот же а!.. – возмутился он на свою рассеянность.

Он слил воду в раковину через дуршлаг, закинул масло в кастрюлю с приготовленными там макаронами.

Солнце уже полностью показалось в окне, раскидываясь своим светом по домашней утвари. Яркое, оно с раннего утра, подсушивая влажный асфальт и укорачивая растекшиеся за вечер лужи, предвещало хорошую погоду. Павел раскинул подальше штору, тут же зажмурился от ударившего в глаза яркого света, губы растянулись в улыбке. Бодрый от выпитого кофе, он чувствовал себя уверенно. Перекусил перед предстоящей работой, в преддверии ясного весеннего дня и голубого неба, так раскрашивающего жизнь любого гражданина, сочетая в себе эти великолепия. Казалось, он знал, что

делать.

Теплоход

Позавтракав, Павел направился на морской причал. Стоя в ожидании теплохода, он достал мобильный телефон. Экран показывал без пятнадцати десять утра. Люди на пристани оживились. Павлу было едва видно сквозь толпу, как матросы, закутывая канаты восьмеркой, пришвартовывали речное судно.

На место трагедии летом можно добраться только водным путем, как раз за неделю до судопроизводственного дела открыли речное движение. И попасть по реке до поселка можно за час, к тому же билет стоил не больше, чем поездка на автобусе в обе стороны.

Подготовив удостоверение служащего, Павел, вступая вслед за людьми на трап, рассматривал «Москву-56». Раньше ему никогда не приходилось плавать на этом или подобных ему судах.

Из салона едва слышно доносилась песня группы «Стрелки» «Не любовь», настраивая молодого человека на романтику.

Павел услышал поблизости голос.

– Молодой человек, – повторила свое обращение маленького роста старушка, держась своей очереди позади Павла. Напрягая все силы, она тащила за собой тележку с привязанной к ней большой сумкой-трансформером.

– Вы бы не могли мне помочь, – сказала она, обращаясь к нему, – а то мои спешат все, а довести до самого парохода не успевают.

Пожилая женщина с поклажей, чуть больше ее роста, показалась Павлу беспомощной. Потерявшись среди толпы, старушка рассеянным взглядом долго высматривала, к кому ей обратиться за помощью.

Павел согласился помочь старушке.

– Вот спасибо, внучок, а то уж я думаю, мне совсем придется туго с этим, – она покосилась на сумку.

Когда они стали продвигаться по салону, Павел присматривал себе место. Усадил бабушку.

– Вот спасибо тебе, молодой человек, – у старушки явно было приподнятое настроение, видимо, после предоставленной помощи, – а куда ты сам, внучок, случаем, не до Бревенника?

Расположившись на скамье и утрамбовывая под собой свою ношу, женщина с заискивающим взглядом ожидала от Павла ответ.

– Нет, бабуль, до Чубнаволока, кстати, не подскажете, сколько времени примерно туда ехать?

– До Чубнаволока? – переспросила старушка.

Ее лицо стало, скорей, обеспокоенным, чем удивленным.

Народ продвигался, и Павел поспешил скорее занять место. Но неполученный ответ старушки не давал ему покоя.

– У вас там, молодой человек, кто-то из знакомых или род-

ственников? Я жила там пять месяцев, но жизнь там такая, в общем, я потом переехала к сестре на Бревенник.

– Нет, нет, – спешил успокоить ее Павел, – я еду туда по служебному делу.

Теперь ее выражение лица стало удивленным, но, посчитав, что служебные или личные дела ее не интересуют, была удовлетворена ответом.

Павел сел в носовой части теплохода возле двери на верхнюю палубу. В это время года она была еще закрыта, а так хотелось вдохнуть свежего речного утреннего воздуха, который, принося прохладу, убаюкивая, помог бы скоротать время до самого пункта назначения. Он тщетно пытался заснуть. Однако это адвоката не расстраивало, путь предстоял далекий, около часа, и поэтому было над чем сейчас подумать.

От мыслей его оторвали доносившиеся рядом голоса споривших между собой людей, одетых в военную пятнистую форму. «Наверное, конвоиры...» – предположил Павел.

Вертухаи, как называли сидевшие в тюрьме заключенные сотрудников УИН, играли в карты. При этом едва слышно переругиваясь между собой. И даже казалось, если один из них на кого-либо имел недовольство в игре, было видно, как они сдерживались, ворча про себя, то обещал отомстить в «деле». Но оставались по-прежнему товарищами.

Павел заметил, что пассажиров в салоне стало меньше. Окна перед ним сильно запотели, и смотреть вперед себя

и сбоку было невозможно. Рядом сидела девочка лет одиннадцати, уткнувшись в куртку своей матери, за компанию с ней мирно спала. Спать не хотелось. Устав сидеть, Павел решил прогуляться по моторной части теплохода в надежде найти свободное местечко или приземлиться возле прозрачного окна. Становилось душно.

Проходя мимо третьего ряда и располагавшегося на стороне выхода, он одарил улыбкой ту старушку, которой помогал забраться на борт, но которая теперь, как показалось ему, провожала его недоброжелательным взглядом.

Павел направился в заднюю часть теплохода. Попав на борт, наконец ощутил свежую прохладу ветра, но шум мотора стал слышаться уже отчетливее. Павел решил подняться на верхнюю палубу. Здесь насчитывалось уже четыре человека. Такие же отшельники, уморенные на нижнем ярусе теплохода, они расположились по разным скамьям площадки, облокотившись о борта, молча наблюдали за бегущими волнами или берегами Северной Двины.

Павел достал мобильник и подсчитал, что ехать до конечной станции осталось около получаса. Он спустился вниз, на втором открытом ярусе судна разыгрывался ветер. Прикрыв вновь глаза, не заметил, как погрузился в сон.

На месте

Теплоход подошел, сбавив обороты двигателя. Металли-

ческая лестница причала упиралась прямо в возвышение холма.

На площадке, ожидая «Москву», уже толпились новые пассажиры. На будкообразном укрытии виднелась большая табличка с выцветшими буквами названия поселка.

Сон адвоката оборвал голос. Женщина-кондуктор средних лет разбудила Павла, потрепав по плечу.

Мысль «кажется, пора приступать к работе...» – второе, что пришло в голову, после того как он увидел миловидное лицо женщины. Он сошел с трапа на качавшуюся, ржавую от некогда сошедшего снега пристань.

Не выходила из головы старушка, которая так сердечно поблагодарила его, но взгляд ее, как показалось ему, был недобрый, даже подозрительным. «Быть может, – подумал Павел, – она что-то знала об острове. Надо было все же с ней поговорить об этом». Павел жалел, что упустил возможность. Быть может, она бы чем-то помогла в расследовании. Он перестал ее высматривать, вспомнив, что та хотела сойти с теплохода раньше этого причала.

Возле берега еще держались куски льда и снега, он поднялся по лестнице, и перед ним предстало огромное поле, покрытое густой ранней травой, и где-то вдалеке виднелись пушистые кромки лесной заросли лиственниц. Через несколько шагов его обзору предстали первые обветшавшие от времени, полусгнившие, завалившиеся дома.

Пахло освободившейся от снега свежей травой. Весенний

ветерок шевелил волосы. Павлу он напомнил детство, когда он мальчиком бегал по лугам Нижней Золотицы босиком и чаще с разбега, как только был окончен покос, бросался прямо в переливающуюся под лучами яркого солнца чистую полосу прохладной речки, тянувшейся откуда-то из-за поворота прямо к Белому морю. Спасая от душераздирающе жаркого, обжигавшего дня, смывая испарения тела, свежая вода нежно кутала его в свои объятия, даря Павлику спокойствие и свежесть. И не было никакого желания возвращаться домой, оставаясь, нежась подолгу в прохладной реке.

«Как живут здесь люди, – размышлял про себя Павел, шагая по траве, – среди безмолвия... И куда делись местные?»

Павел, рассматривая открывшуюся панораму ровного поля, совершенно забыл о сошедших с ним пассажирах, которые успели подняться на бугор раньше него. Однако Павел удивился, но все равно, даже если они и шли быстро, он мог бы заметить скрывавшиеся за домами их головы. На удивление адвоката под ногами не было следов, как полагалось, прошедшей группы.

«Ерунда какая-то», – подивился он и поднял голову.

Вновь разглядывая местность, Павел пытался понять происходящее, но на ум ничего и не приходило. Пошел дальше.

Было время без пяти минут одиннадцать утра. Павел специально пропустил первый рейс в семь утра, чтобы прибыть на место трагедии чуть позже, дабы не нарушить спокойствие мирных граждан своими вопросами.

Наконец, пройдя по тропе, он вышел к жилому комплексу из деревянных домов. Проходя по узенькому коридору между первых жилых домов, услышал крики, точнее, возгласы. Это была женщина. Она появилась на крыльце и на ком-то срывала свой гнев, чтобы, по-видимому, ее приняли всерьез.

– ...Ты мне все нервы вымотал, – были отчетливо слышны ее слова, но одно или несколько слов Павел все же пропустил.

– ...Давай, я тебе подам... – кричала она уже кому-то во дворе. Что именно имела в виду пропавшая уже за ветками зарослей смородинного кустарника женщина и к кому она обращалась, он уже видеть не мог, густота зелени скрывала все, что происходило внутри него. Женщина по-прежнему продолжала кого-то поучать, но, хотя и громкие, едва различимые слова обрывались. Ее голос стал лучше слышен, когда она, по-видимому, начала приближаться в его сторону. Павел решил остановиться и прислушаться. Слова стали отчетливее.

– Я тебе еще раз повторяю, что ничего не значит, если уже светает по утрам раньше... Ну, ты посмотри, а?.. Упрямый какой!..

Из-за кустов появилась женщина, которой голос, вероятно, и принадлежал, в округе кроме других домов с густо заросшей зеленью палисадников не было никого из людей. Павел наконец увидел ее лицо, их взгляды встретились. Лицо незнакомого молодого человека, смотревшего на нее, оказа-

лось неожиданным для жительницы. Молодой адвокат тут же отреагировал, словно замороженный полной жизнью на непредсказуемом острове, куда он прибыл. В знак приветствия он кивнул головой, но больше извиняясь за невольное вторжение в личную жизнь.

Единственный островитянин, женщина, которую Павел встретил, выглядела лет на сорок, черные растрепанные волосы развевались на легком ветру. Павел уже собирался уходить, но все же решил не упустить встречу.

– Добрый день, не знаю вашего имени, но вы случайно не обратили внимания, кто-либо проходил мимо вашего дома? Несколько минут назад?

Салтахов думал, что незнакомая обывательница этого дачного участка, оторванная от своих дел, более важных, например, кого-то отсчитывать в кустах, вряд ли могла заметить кого-нибудь из проходивших мимо людей.

– А, это, наверное, Пятковы, – ответила она, не задумываясь, будто ожидала этот вопрос, чем удивила Павла, – они часто приезжают в это время. У них дача там, – махнула она в сторону, – недалеко от причала. Они живут ближе к рукаву... Вы не первый, кто пугается их быстрого исчезновения, – сказала женщина, вновь обратив внимание на Салтахова. – Если вы заметили, поднявшись, чуть поодаль от причала, – продолжала она, – недалеко от тропы стоит старый дом, так от него идет спуск к новой тропе, летом ее еще труднее заметить, кажется, люди исчезают прямо на дороге, не

успев подняться после прибытия теплохода, – рассказывала женщина, дружелюбно улыбаясь.

Женщина оказалась на редкость словоохотливой и, несмотря на утренний скандал, случившийся возле дома, выглядела вполне жизнерадостно.

– К середине июня трава здесь так высоко вырастает, что приезжим кажется, – сказала она, – что она растет только на лишь одном поле. Ну, вы, наверное, сами же понимаете... Да еще убедитесь, людей здесь мало. Из животины здесь, кроме петухов да курятника у Лебятиных, шесть коз у Кутейниковых и, пожалуй, все.

– Спасибо, – выслушав ее, усмехнулся Павел.

В ответ на вежливое обращение Павла женщина на удивление ничего не ответила, закутавшись в безрукавку. Она слегка опиралась о частокол ограды.

– Спасибо, – не скрывая белозубой улыбки, поблагодарил ее Павел.

Женщина, решив не тратить свое драгоценное время на незнакомца, пожала плечами, ответила «пожалуйста» и отвернулась.

Запущенные после сошедшего снега грядки, бледный наполовину разобранный парник за забором, две оголенные яблони, стоявшие возле забора, где стоял Павел, заполняли собою весь образ дремоты. Едва показавшиеся из почек зеленые листья, казалось, пробуждали это запущенное сонное царство.

– А, извините, – решил спросить он у удаляющейся женщины, – вы не скажете, где здесь дом под номером двадцать восемь?

Остановившись, будто перед ней резко затормозила машина, поправляя распахнувшуюся безрукавку, женщина без какого-либо желания повернулась к Павлу.

– А? Вы что-то хотели? – спросила женщина.

– Видите ли, я рассматриваю одно дело, – Павел прикоснулся к забору, обрадовавшись, что женщина расположена к разговору. «Может быть, она даст мне немного полезной информации о несчастном случае», – подумал он.

Уголовное дело такого рода, в котором он вел свое расследование, было для него впервые, профессиональный стаж адвоката был не велик. Закончив три года назад юридический институт, Павел был автоматически направлен в адвокатскую палату, которая находилась в столице, и через месяц после комиссии он был отправлен обратно. Посидев немного над бумажной рутинной, после очередной комиссии он получил профессиональный статус. В течение полугода Павел уже отработал защиту двух обвиняемых: одному из них лишь сократили один год, другого же из его подзащитных отпустили с испытательным сроком на один год за то, что тот сделал ложное обвинение на своего товарища, чем отвлек от работы милицию.

Павел заметил, что заданный им вопрос заинтересовал женщину, но в то же время она замотала головой, махнув

безразлично рукой, скрылась за домом.

«Странная она какая-то, может, она сумасшедшая?» – подумал было Павел, но женщина вдруг выглянула из-за угла.

– Если вы ищете дом Суховых, то это через три дома, по правой стороне сверните... – крикнула она. – Он первый к воде...

Павел хотел поблагодарить жительницу, но женщина уже успела исчезнуть с крыльца, юркнув в дом. Теперь, как подумал Павел, совсем. Но тут же послышались ее выкрики, женщина вновь звала сына домой. Адвокат продолжал идти по деревне, по еще не полностью вытоптанной после сошедшего талого снега тропе.

Становилось тепло. По бледно-розовому небу в своем свободном просторе, не торопясь, куда-то вдаль плыли задумчивые облака. Лучики солнца пробивались при возможности, все больше нарастая из-под этих облаков, и заставили Павла распахнуть весеннюю капустного цвета курточку. Начинаясь день, казалось, предвещал быть хорошим. В этот момент молодому адвокату хотелось забыть обо всех проблемах, особенно о загадочности того дела, к которому он был прикреплен.

Он вспоминал. Еще каких-то три месяца назад за недоказанностью преступления дело Котрандашева было возвращено прокурору обратно в область. Этим-то молодой адвокат и воспользовался, чтобы как можно точнее прояснить всю суть расследования для предоставления защиты в суде.

К тому же он действовал не как государственный чиновник, Павел был сам не прочь узнать больше о мистической форме рассказанной истории подозреваемого в убийстве отчима Эллы. Не встретив на улице никого из людей, он посмотрел на часы. Стрелки показывали одиннадцать часов десять минут. Пройдя по тропе вдоль домов, как указала женщина, Павел вышел к очередной калитке по правую сторону тропы. Случайно зацепил за забор ветровку, порвав при этом внутренний карман, Павел выругался про себя. Осмотрелся. Где-то поодаль доносился звук топора, кто-то колот дрова. Но ему теперь это было совсем не интересно. Приоткрыв калитку, Павел оказался во дворе одного из однотипных маленьких деревенских домов. Все дома, как и этот, были одноэтажными, крыши покрыты еще старым деревянным покрытием из досок и толи. С краю этих крыш виднелись массивные кирпичные выкрашенные известкой печные трубы. И сейчас, смотря на эти неплохо сохранившиеся постройки, Павел сравнивал с теми домами, что находятся в третьей и первой деревнях, как называли их городские жители. Как давно здесь поселились первые люди, Павел не знал, вероятно, с появлением первых лодок. Да и задаваться этим вопросом сейчас было ни к чему, домики выглядели великолепно и представляли собой, скорей, дачный поселок, нежели деревню. Закрыв калитку, пройдя по узкой мостовой, молодой адвокат понял, что зашел в чужой огород. Как ни странно, но Павел предполагал, что все люди, кто живет на даче ли-

бо в деревенских домах, пусть даже и на этом острове, в это время должны были заниматься хозяйством. Рыться в огороде, наводить порядок после зимы, впрочем, кроме этих дел, Павлу казалось, что здесь заниматься больше было нечем. Но на хозяйском дворе никого не было. Справа, где-то поодаль, в глубине села, снова послышалось, как кто-то колет дрова.

Проходя дальше мимо крыльца, Павел бросил короткий взгляд на окно. Оно было аккуратно расшторено, создавалось представление, что здесь кто-то все-таки проживает. Заметил внутри метнувшуюся тень, однако не стал заходить внутрь дома, поспешил к выходу. Пройдя по разрушенным доскам деревянных мостков, подошел к калитке, открыл ее, попав на едва заметную тропку, ведущую сквозь голые кустарники и погребя, очутился у русла. Он заметил, что дом на другом краю пустого огорода, которым он проходил, находится ближе всех к воде. Павел осмотрелся. Вдоль берега, едва узнаваемая и успевшая затянуться свежей травой, тропка вела вдоль темной, очистившейся после сошедшего льда водяной глади реки, представляя обзор разбросанных одних против других таких же домов в сторону начала рукава. Вдалеке появился тянувшийся вверх тонкий поток темно-серого дымка. Видимо, хозяйка одного из этих домов решила с утра протопить остывшую за ночь печь, или же кто-нибудь из приезжих на теплоходе успел уже попасть в свои квартиры и разбудить быт, казавшийся уснувшим на зимовье. Па-

вел еще раз стал разглядывать местность. «Надо бы здесь кого-нибудь разыскать, – подумал он, – чтобы хоть немного получить информацию о произошедшем случае. Может, кто да и протянет маленькую ниточку чего-нибудь нового? А то уж здесь слишком, как мне кажется, мрачновато...»

Слегка поглаживая начисто выбритый с утра подбородок, он, к своему удивлению, ощутил легкую поросль на подбородке и под носом, решил, во что бы то ни стало надо скорей отыскать людей.

Пройдя по широкой тропе, разделяющей два дома, он решил вернуться к калитке, в тот же огород, из которого он вышел.

Елка

Элла Береза, девушка двадцати двух лет, с белыми до плеч волосами, закрыв учебник по бухгалтерскому учету, направилась к телефону, трель которого раздавалась из соседней комнаты.

– Аллю?

– Привет, Елка.

– Привет...

– Конечно, извини, Елка, но ты все же не права по отношению к Рату, ты ему все-таки, кажется, нравилась...

– Юля!

Элла отвечала своей давней подруге монотонно и неохот-

но. Обе девушки, дружившие еще с детства, решили, что не будут касаться истории, произошедшей между ними более полутора лет назад. Но как ни была сдержанна подруга Эллы на запрет не упоминать имени ее товарища, будучи студенткой по деловому праву, Юля этим летом собиралась поменять место жительства и уехать в Москву, все же о бывшем друге Эллы она никак не могла забыть. Еще бы, ей не верилось в виновность Ратмира, и, быть может, Элла не все знала о произошедшем случае, гадала она, но знала о невинности наверняка. И после того, как судебное дело было отложено для дополнительного расследования, девушка с прической «а-ля гриб» не хотела интересоваться подследственным, тем более вспоминать о криминале.

– Да ладно, ладно, Элка, я вообще хотела поговорить не об этом, точнее, об этом пареньке, но о том, что касается его дела.

– Ну...

– Ну-ну! Супер гну... – передразнила Юлия. – Ты что, забыла, как ты мутила ему мозги, долго не хотела ему отвечать. За кем он так долго бегал?! Когда Васька Потехин подарил тебе цветов, аж отдалась бы, ты сама мне об этом говорила, помнишь? А когда он стал возить эту... коренастую... так даже не пришел, извинения не попросил, а Ратька все не унимался, звонил тебе, успокаивал.

– Да он мне никогда не нравился.

– Ну, подруга, знаешь, тебе не угодишь. Ратька – хороший

мужик, ну, робкий, не спорю. Тебе что, вояка нужен?

Юлия переживала за подругу, но с упрямым характером Эллы не могла ничего поделать.

– Ладно, твое дело, – успокоилась она, поняв, что уговоры результатов никаких не дадут, – завтра суббота, идешь в «М-33»? Там, я слышала, «Комиссар» приезжает. Я, правда, к нему не очень... но, может, познакомишься с кем-нибудь.

– А сколько билет стоит?

– Две, три... где-то в этом районе сотни.

– Пойду, а ты одна или с Сашкой? – спросила Элла, но тут же поняла, что тему о товарище Юльки, двадцатипятилетнем юноше, она задела зря. Но ничего сделать было нельзя. Она почувствовала, как на той стороне трубки та насупилась и, быть может, в этот момент хотела бы даже бросить трубку, сказать что-то обидное, но промолчала. Элла не знала, что сказать.

Пауза затягивалась, казалось, прошлое некоей невидимой стеной встало между ними, первой ее нарушила Элла.

Год назад Юлия рассталась со своим приятелем Петром Романовским. Элла, намекая подруге, что это судьба, решила втайне встречаться с Петром, мол, она девушка одинокая, никто ее не любит, а парень оказался бесхозным. Разузнав телефон у подруги, Элла решила переманить парня на свою сторону. Конечно, Юля об этом все же узнала, и оказалось, что разлука между молодым человеком и девушкой была кратковременной, что особой серьезности в их переры-

ве не было, что, казалось, не повлияло на их будущие отношения. Так, обычная ссора между молодой парой. Однако в конце концов обе подруги кое-как наладили между собой дружбу, а Петр Романовский навсегда исчез из жизни кареглазой Юлии.

– Ладно, подруга, я тебе перезвоню. Только деньги завтра на всякий случай прихвати, а то вдруг никого не зацепим, ты же знаешь, какие сейчас ребята жадные стали, как под юбку залезть, так первые...

Она отключила трубку, села в кресло, по телевизору начиналась передача для молодежи «Дом».

***

Павел приоткрыл калитку, откинув затворку с внутренней стороны, снова вошел в тот же двор. Внимательно всматриваясь в полуприкрытые окна, он прошел мимо них, оглядевшись по сторонам, постучал два раза в дверь. Дверь, как и ожидал Павел, никто не открывал. Постояв некоторое время на крыльце, внимательно, насколько можно было, рассматривал квартиру сквозь стекло. Он надеялся заметить кого-нибудь внутри дома. Решив, наконец, что никого здесь нет, он собрался уходить. В приоткрытую им калитку мимо ног юркнула кошка, немного пробежав, остановилась, присела, оглянулась по сторонам и, задержав взгляд на Павле, что-то мяукнула, побежав дальше, исчезла за забором, отку-

да Павел попал во двор в первый раз еще двадцать минут назад. Сплюнув, удивившись, как это ему удалось попасть в такое место, еще не ведая, что ему предстоит вынести, закрыв наконец со скрипом калитку, Павел направился к дому напротив.

Внезапно его остановило чье-то едва уловимое шуршание. Оглянувшись, Павел заметил на лестнице дома высокого бледноватого на вид старика. Он стоял прямо, нисколько не сутулясь, придерживая входную дверь. Павел не сразу отреагировал на его появление.

Еще минуту назад Павел был уверен, что в доме никого не было, впрочем он мог и ошибиться.

– А, простите, я думал, что здесь кто-то может находиться, – зачем-то сказал он, – точнее, я думал, здесь никого нет...

– Ну, я здесь, а что?

– Извините, что, возможно, побеспокоил вас, просто здесь... Моя фамилия Салтахов... Павел, я адвокат и провожу следствие. Вы не могли бы рассказать о случившемся происшествии здесь, на острове?

– А что здесь произошло, Павел Салтахов?

– Я имею в виду преступление, я могу войти в дом?

Павел почувствовал, что не следовало задавать этого вопроса. С виду дом казался весьма мирным, но постоянное наваждение, что внутрь его попадать не следует, Павел посчитал суеверием. Он был уверен: мужчину Ратмир не уби-

вал, но кто-то ведь должен был это сделать. Был труп, следы на рукаве, часть волоска под его ногтем, – конечно, многое не в его пользу, но в душе Павел верил, что тот был невиновен.

Убийцу необходимо было найти в течение одного месяца, Павел таил надежду, что следствие не затянется и на две недели.

– Преступление?! Я ничего такого не знаю.

– Но как же, постойте, пожалуйста, я хотел бы вас об этом немного спросить, – Павел старался задержать старика.

Когда тот скрылся за дверью, Павел поспешил, перескочил три ступеньки крыльца, но, занеся костяшки кулака, постучать не решился. Присматриваясь еще раз в окно, не заметил никаких изменений. Все та же полузадернутая белая занавеска, отражение стеклом по печи и полу солнечного дневного света, проникавшего сквозь окна. Намеков на присутствие людей не было. Отбросив всякую надежду, что сейчас кто-то выйдет и даст хоть какую-либо информацию, полезную для него, Павел решил попытаться счастья в другом доме.

Бросив еще раз взгляд, как ему показалось, на вновь открывающуюся дверь крыльца, никого не обнаружил. Дверь, как издали казалось, закрыта была уже давно и намертво. Выругавшись про себя, Павел прикрыл за собой калитку, направился к берегу, там, загнув за небольшой отдельный огороженный небольшим забором огород, можно было попасть

к такому же одноэтажному дому, как и остальные, разбросанные по всему острову жилые сооружения.

В гостях

Дверь быстро открыли. На пороге стояла тридцатилетняя женщина с гладкой кожей на лице, красивым загаром, слегка выпирающими округлостями. Что еще больше привлекало внимание. Первая мысль, пробежавшая в голове у молодого адвоката: «Наверное, мужу не скучно с такой девушкой...»

– Простите, – Павел сразу представился, чтобы не возникло лишних вопросов, – я веду дело об убийстве Панкратова Валерия Андреевича, погибшего прошлым летом и...

– Да вы заходите, товарищ адвокат, правда, у нас с утра ничего не было прибрано в доме. Мы встали только в десять... и прибраться еще не успели. Вчера сидели допоздна, ну вы понимаете, – Полина оказалась весьма приветливой женщиной, когда она улыбалась, появлялась ямочка на правой полненькой щеке, – да вы не разувайтесь, у нас пол еще не мыли, проходите, проходите. Вот... – она указала ладонью на табурет возле окна и старинного трюмо без зеркала, – садитесь за стол. А мы еще только встаем.

В гостиной, как краем глаза Павел заметил, находилась дверь в еще одну комнату, откуда, видимо, и вышла девушка на вид двадцати лет. Зевая, пошатываясь, приподняв к голове руки, что-то делая с волосами, она старалась их забрать,

чтобы не мешали, искала равновесие.

– Мама! – она широко зевнула, наконец, сделав твердые шаги. – Ты не видела моей заколки?

Заметив сидевшего на табурете за столом незнакомого молодого человека, девушка вскрикнула и бросила свое занятие. Волосы скрыли наготу ее плеч, и грудь, колыхнувшись, едва не вылезла из-под плохо скрывавшей ее майки. Павел улыбнулся. Но то, что особа, так беззаботно появившаяся в проеме большой кухни, заинтересовала его, не подал вида.

Полина, по-видимому, мать этой девушки, порхала у печи, убирая вчерашнюю посуду и складывая ее в рукомойник с висевшим над ним белым старым буфетом. Когда ее дочь скрылась из виду, предложила Павлу свежего чая. Электрический самовар на кухонном столе как раз в этот момент закипал.

– Спасибо, – поблагодарил он.

Павел хотел задать несколько вопросов, рассчитывая сразу перейти к делу, но тут в проеме большой комнаты вновь появилась ее дочь. Она уже закинула длинные волосы на голову, сформировав что-то наподобие прически а-ля помпадур, перевязав их то ли толстым шнурком, то ли кушаком.

– Мама, ты не видела моей заколки, я вчера ее сняла и куда закинула – не помню.

Девушка надела пестрый сарафан с цветочками, скрыв от Павла часть тела, привлекающую внимание еще несколько минут назад. Ее колыхавшаяся полуобнаженная грудь долго не

выходила из памяти, и платье все же напоминало о былом, выделяя бюст.

«Энергичная девушка, – подумал про себя Павел, – появиться почти в обнаженном виде на глазах чужого человека, а теперь идет себе, будто ничего и не произошло, а вид у нее не скажешь, что по... простушки. Ах, ладно, о чем это я...»

Павел не успел поразмыслить, как в соседней комнате слышались глухие покашливания. «Та-ак, а вот и папаша этой чудной семейки...» Павел критично отнесся к тому, куда его занесло, а именно в этот дом. Вместо того чтобы пытать хозяев о случившемся с их соседом несчастье, он бесильно сидит и ждет, пока все успокоятся и наконец начнут пить этот утренний чай. Он ощущал некую простоту, бескорыстность этих людей, то, что ему иногда так не хватало в городе в семье из трех человек, матери и отца, все время суетившихся. Его постоянная работа, казалось, завязывала ему руки, сковывала душу. Но здесь он чувствовал себя проще. Девушка прошла к буфету, словно Павла здесь не было, но, бросив быстрый интригующий взгляд, достала три кружки, поставила их на стол.

– Ты сама-то помнишь? С ней вернулась или нет? Шарисься по деревне с кем-то всю ночь, а потом заколки по дому бегаешь ищешь.

Полина, стараясь не давить на непутевую дочку, не повышала голоса, но пыталась отчитать ее за вчерашнее гуляние.

– Вам две ложки или три? – словно не слыша свою мать,

дочка обратилась к Павлу.

– Три, пожалуйста, – Павел не ожидал от нее такой самостоятельности, чуть не забыл ее поблагодарить, – спасибо.

– Наталья! Я с кем разговариваю? Со столом, что ли?

– Мама, ну хватит уже, я с девчонками вчера гуляла и Федорчуком, понятно, ну ты же их знаешь, Федорчук, кудрявый такой. Они в прошлом году здесь дом купили, зачем только?

Наталья пожала плечами. Открыв банку с вареньем, окунув туда чайную ложку, захватив побольше гущи, отправила порцию в рот.

– Хотите? – предложила она Павлу.

Тот отказался. Но тут понял, что наступило его время для разговора.

– Я собственно, хэ, извините, конечно... – ему показалось совершенно не своевременным вспоминать об убийстве у гостеприимных людей, но иначе поступить он не мог, необходимо было продолжать расследование. – Скажите, вы знали Панкратова Валерия Андреевича? – спросил он, обратившись к стоявшей боком возле него женщине.

– Валерку-то? – быстро отреагировала уплетавшая варенье Наташа.

Павел оглянулся на звон вилки, внезапно упавшей каким-то образом с верхней полки буфета. Полина, будто не расслышав вопрос Павла, закончила мыть посуду, вышла с тазом грязной воды из кухни, вид у нее был такой, словно она не хотела говорить о происшествии. Наталья, отхлебыв-

вая глоток горячего напитка, вновь пожала плечами.

– Это было почти год назад, его, рассказывают, нашли всего окровавленного, вид у него был, будто он увидел стаю летучих мышей с зубами, как у тигра. Да вы пейте чай-то, варенье, кстати, малиновое любите?

Девушка старалась улыбаться гостю. Павел почувствовал легкую растерянность, ее прозрачно-голубые глаза пронизывали до глубины души. Казалось, они стараются подчинить его себе, постепенно сделать их собственностью, но больше поразил адвоката ее взгляд, такой умиротворенный, окутывающий словно любовью и обещающий отдать всю свою нежность в случае победы. Чтобы снять волнение, он решил послушаться молодую хозяйку и немного попробовать сладкой гущи, запустил чайный предмет, но не рассчитал вместимости чайной ложки и вместо того, чтобы захватить смесь кончиком, ложку окунул полностью в банку, при переносе варенья уронил часть на скатерть, чем вызвал громкий смех девушки.

– Не волнуйтесь, я сейчас уберу, – Наталья вскочила со стула, взяв с плиты маленькую тряпку, встала со стороны Павла, как бы невзначай прикасаясь к нему бедрами и шевеля ими в такт старательным маневрам, собирая тряпицей рубиновую жижу.

Павел не знал, что ему делать, он поблагодарил ее за заботу, к тому же ему хотелось сказать девушке что-нибудь приятное.

– Извините, Наташа, вам был знаком потерпевший?

– Да кто его не знал. Он стал пить в последнее время, пока коньки не отбросил, да, кстати, я вообще... – она приблизилась к уху Павла и продолжала уже шепотом, но, скорее, лишь для того, чтобы он почувствовал ее дыхание, нежели, чтобы ее услышали, – не верю, что паренек этот его укокошил.

Она отнесла обратно тряпку. Вернулась ее мать.

– Поль... – послышалось из другой комнаты.

Кто-то там вновь захрипел и громко чихнул два раза.

– Там кто? – не вытерпел адвокат.

– Батя, – с ленью ответила девушка, – нахлестались вчера с Кругловыми, вот и отходят сегодня.

– А-а, – протянул Павел, делая вид, что ему все стало понятно, казалось, он стал забывать, зачем сюда вообще пришел.

Отхлебнул еще не успевший остыть напиток.

– А кто живет сейчас в доме Панкратова, вы не знаете, Наташа?

Он заметил, что обратился к девушке по имени, не хватало еще влюбиться на работе, впрочем... Наталья понравилась молодому адвокату, словно зазывая его своими цветами неба глазами, она околдовывала своим смехом, розовыми, словно лепестки роз, губами, нежной улыбкой. Она сделала удивленный взгляд.

– Там сейчас никто не живет. После убийства дом зако-

лочен, там даже калитка, мне кажется, заросла. Я однажды пыталась открыть ее, но она так чертовски закрипела, что я не стала ее открывать, ушла, да и все.

Павел ответил девушке также легкой улыбкой, однако, не считая произошедшую встречу с хозяином дома смешной выдумкой девушки.

– Но я точно говорю, вышел какой-то старик, такой худой, бледный, будто покойник, я его спросил, кто он, но он ничего не ответил и закрылся. Я постарался высмотреть его через окно, но он, наверное, ушел в другую комнату, так как я его не нашел, – закончив рассказ, Павел обеспокоился за волнение Наташи, он тут же захотел изменить тему разговора, но ничего в голову не приходило. Девушка вдруг застыла, задержав во рту ложку с очередной порцией варенья, медленно перевела глаза в сторону появившейся в проеме комнаты мамы.

– Мать, ты слышала? – Наташа положила нетронутую ложку варенья в остатки чая. – Ты знаешь, кто там поселился? – она перевела взгляд на Павла. – Вы точно уверены, что видели там кого-то?

– Н-да, – неуверенно ответил тот, понимая, что попадет в какую-то историю, соотносящуюся с некоторой частью мистики.

В глубине комнаты послышались снова хрипенье и покашливание.

– Наверное, хозяин вернулся, если он вообще оттуда уез-

жал... – слышался мужской голос.

Тут же за спиной Полины появился сам его обладатель. Мужчина лет сорока с взъерошенными волосами в состоянии глубокого похмелья направился к буфету. Наполнив полностью чистую кружку прохладной водой из графина, осушил в момент. Женщина вышла во двор.

– Подождите, – первой очнулась девушка, – может, он сегодня приехал, вы его, может быть, не заметили.

Павел был уверен в своей памяти.

– Нет, я точно помню. Передо мной с трапа сошли трое – пара и дедок, но не тот, это точно, и я еще оглянулся, позади тоже никого не было. Хорошо, вы извините, пожалуйста, – он приподнялся и направился к выходу, – я, если можно, к вам попозже зайду.

Павел, оставляя чай недопитым, решил, что на некоторое время ему необходимо покинуть это семейство. Затем с новыми силами, когда они друг с другом договорятся и успокоятся, получить от них нужную информацию. К тому же запахло какой-то мистификацией, которая в планы Павла уж никак не входила. Еще эта девушка, Наташа...

– Куда вы идете?

– Попробую еще раз постучаться к ним, – он посмотрел на наручные часы, – к тому же время как раз обеденное, может быть, старичок, уже выспался...

– Дурак, – перебил его взъерошенный мужчина, решив допить остатки в графине, прильнув губами к его краю.

– Что, простите? – не понял Павел.

– Мы не советуем вам ходить туда. Второй раз вам может не повезти, как в прошлом...

Предупреждая его, Наташа, видно, не настроена была сейчас шутить.

Бабулька

В ответ Павел хотел сострить, но ничего не приходило на ум.

– Извините, – он не хотел верить этим людям, – м-можно, я к вам еще зайду, потом?

Наташа остановила его, когда он приоткрыл дверь в сени.

– Я пойду с вами.

Тут же послышался громкий стук графина о выступ буфета. Удивительно, что он не разбился.

– Наталья! – взревел отец. – Ты никуда не пойдешь! Я тебе запрещаю!

Девушка нежно положила ладонь на спину Павлу.

– Подождите меня во дворе, я сейчас подойду, – сказала она, словно успокаивая парня.

На улице погода стояла прекрасная. Где-то невдалеке на-свистывала птаха. Солнце пригревало, но легкий ветерок, обдувая лица, успевал успокаивать нагретое одеждой тело. Павел слегка вспотел. Он не собирался ожидать молодую особу и, сжав курточку рукой, поспешил к воде. «Интерес-

но, – подумал он, вспоминая утренний дымок, выходящий из трубы одного из домов, – зачем же они топят, если такая чудесная погода? Впрочем, это их дела», – решил он, как вдруг послышался позади звонкий голос Наташи. Он оглянулся. Она спешила к нему.

– Подождите, уважаемый, без меня вам многое может быть непонятно, я вам еще могу пригодиться, господин адвокат.

«Вот навязалась на мою голову, а что если с ней что-нибудь случится, – подумал он, – впрочем, что может произойти, не автомобильная же авария или потоп. Пускай идет, да и мила... Так, стоп... Надо думать, прежде всего, о делах, так что... потом».

– Разве вам не сказали, Натали, оставаться дома?

Павел почувствовал, что у него приподнятое настроение, и вместо остроловия подумал так, что у него получилась рифма: «...Да я поэт, ешкин кот...» Она догнала его и опередила, осматриваясь назад, чтобы не упасть, старалась, как могла, не сбиваться с шагу, следя за его поведением. Смотрела прямо на него.

– Вы не понимаете всей серьезности насчет этого дома, господин адвокат. Почти год назад там случилось убийство одного человека, в позапрошлом году его покинул отец этого Валерия, ничего не объяснив ему. И после этого сын его не видел, ничего об отце не слышал... По почте Валерий отправил документы на дом и ключи и все... Больше ни вестей,

ни слухов. Вы понимаете?

Павел остановился. Всплеск речной волны, казалось, заставил его сделать это.

– Не понимаю. Тебе что-нибудь известно об этом доме или о тех, кто там жил? Если не Ратмир его убил, то кто? Ты... вы, Наташенька, знаете? Нет, конечно. И я советую вам... тебе, скорей отправиться к родителям и помогать маме по дому.

– Вы не понимаете, – девушка виновато опустила голову, но уходить обратно, по-видимому, не собиралась, – уже около года там никто не живет, а человека, которого вы там якобы видели, не существует. Дом закрыт на замок, а ключ находится у матушки убитого, и дверь при...

– Где? Где живет его матушка? – Павел заметил, что это дело его заинтересовало больше, чем простое юридическое. Смягчил тон. – Ты мне покажешь, где она живет, Нат?

Ее бездонные глаза, каких никогда в жизни не встречал молодой человек, удивляли его своим притяжением, девушку хотелось обнять и поцеловать прямо в губы. Но вначале нужно было решить служебные дела. Ах, как хотелось ему сейчас, скинув одежду, лечь на доски причала, поболтать о пустяках с этой замечательной молодой особой, которая бы села у его изголовья и болтала бы в воде ногами, звенела своим смехом. Но, может, может быть, когда-нибудь.

– Не знаю... – загадочно улыбнулась девушка.

– Что? – Павел, расправив курточку, собрался, было об-

шаривать карманы.

– О! – закатила глаза Наташа. – Пошли, опять ты ничего не понял.

Павел действительно не мог понять, чего от него хотела девушка.

Они спустились ближе к реке и, ступая по узкой тропе, прижимая к земле едва выходящую сочную траву, двинулись вдоль реки. Пройдя десять метров, Наталья скомандовала:

– Туда, за ними, – она указывала рукой в сторону стоящего у края небольшого деревянного сооружения, по-видимому, ямы-сарая для хранения картошки или чего другого. Они поднялись. Вскоре перед Павлом появилась совершенно иная панорама. С правой стороны стояли три таких постройки. Слева стоял жилой дом, но выглядевший ветхим и заброшенным. Чуть поодаль запущенные грядки, огороженные маленьким забором. На то, что здесь кто-то живет, показывали расшторенные белые занавески.

– Там вот, за этим домом, только я не знаю, откроет ли она нам.

– А что, она болеет?

– Да нет, просто она, кажется, немного крэйзи.

Павел снова не понял намеки Наташи.

– Ну да ладно, все будет хорошо, пошли.

Павел поглядел на часы. Было без четверти час. До последнего рейса теплохода еще оставалось много времени. Прошли вдоль почерневших от времени кольев забора, до-

ходивших до плеч ребят, колючих веток распускавшихся берез, обездоленной земли некогда бывших грядок, наводивших на Павла мрачное настроение.

– А кто здесь раньше жил, Наташа? – зачем-то спросил Павел.

– Даа, старики, нету их уже. Вот, пришли.

– Ну ладно, спасибо тебе, Наташа, если хочешь, можешь подождать меня здесь. Я, наверное, задержусь ненадолго.

Павел заметил, как ему, несмотря на короткое время, проведенное с девушкой, уже не хотелось расставаться с ней даже ненадолго.

– Ну, уж нетушки, если идти, то до конца, – он заметил на ее лице игривую ухмылку, – ведь там же нет никаких бандитов, или я не права?

Дверь открыли не скоро. Минут через пять на пороге появилась на удивление весьма бодрая старушка. На вид ей было лет шестьдесят, и одета она была в чистый сиреневый сарафан в горошек. Поверх был накинут тулуп, забранные в комок седые волосы – образ типичной деревенской бабушки. Как оказалось, ей вчера стукнуло восемьдесят шесть лет.

– ...А ключей у меня от дома нет. Эллочка тем летом приезжала, я ей отдала, и больше здесь ее не было. Она бы появилась, если бы приехала, обязательно, – повторилась старушка.

Павел долго молчал о появившемся госте в доме ее сына, но задал вопрос, который бы задавать не следовало.

– А как вы думаете, мог ли кто-нибудь поселиться в данный момент в доме, скажем, не имея ключей?

– Нет, внучок, я бы обязательно об этом знала. Поселок-то ведь маленький, а тут метров десять пройти, знала бы, конечно. А что, вы кого-то видели? Может быть, Тамарка приехала, так вы скажите, мне бы ей хотелось кое-что сказать. Я тут недавно прогуливалась возле домишка-то под вечер. Свет видела, уж не поселился ли кто без ее ведома, беспорядка бы не навели, вот что думаю.

– Да нет, бабуль, дверь, кажется, до сих пор заколочена... – сказала Наташа.

– Нет, не может этого быть, я сам видел старичка!.. – возразил адвокат.

Старушка непонимающими глазами вопросительно смотрела на Павла.

– Ну все, гражданин адвокат, пойдемте наконец туда и, если я не права...

Свирепый вид девушки придавал правдивость и убедительность словам, почему-то ему захотелось ее послушаться. Старушка, слушая то одного, то другого собеседника, старалась не упустить момента, чтобы вставить свое слово в разговор, думая, что ее слова помогут.

– Когда это случилось, – она впервые опустила глаза, но вскоре снова приобрела вид обычного человека, – милиционеры решили заколотить дверь, там незаметно гвоздя три или два головками уходят вглубь, их можно сперва и не за-

метить.

– Спасибо, Александра Филипповна.

– А? Да-да... Конечно, – проговорила она, провожая гостей, задумавшись, но вскоре, выйдя вслед за ушедшими молодыми людьми, сказала громче. – Вы если что, то обязательно заходите, чаем вас угощу, у меня тут клубничного варенья много, крыжовенного.

– Я же просила вас, гражданин адвокат, не спрашивать ни о чем таком Филипповну...

– Да, извиняюсь, гражданка Наталья, допустил ошибку, – Павел, шутя небрежно, развел в стороны руки, изображив смешно незадачливый вид.

Когда они вновь ступали на примятую, процветавшую зимнюю траву, осторожно поднимаясь по склону, Павел вспомнил, что хотел спросить у девушки, пока та его не перебила.

– Странная она какая-то, эта бабуля, практически даже незаметно, что страдает по своему сыну. Осторожно! – Павел протянул Наталье руку, вскочив первым на вершину холма. – Давай руку.

– Спасибо, – поблагодарила она, шагнув на твердую землю, заправив в джинсы надувшуюся рубашку, – я же говорила тебе, что она странная. Что?

Павел не заметил, как остановился взгляд на ее лице.

– Нет, ничего

Наташа улыбнулась.

– Ну что будем делать, господин сыщик?

– Я не сыщик, Наташа, я адвокат. И состою в областной...

Павел сделал вид, что шутка его оскорбила, сам не зная для чего.

– Ой, ладно, ладно там...

– Послушай, Наташа, ведь, наверное, у меня есть телефон внучки! Этой... бабушки – Эллы, Ратмир мне вроде бы говорил о нем, так, сейчас посмотрим. Подожди-ка, поддержи, – его осенило вдохновение, однако он боялся ошибиться.

Павел подал курточку девушке, а сам принялся искать в папке номер телефона. В следственном изоляторе ее молодой человек, с которого и начался весь этот скандал, на всякий случай передал номер мобильного подруги на мятом листе, словно зная, что тот ему пригодится.

– Как в воду глядел, а? – рыская в прозрачных файлах, подумал он вслух.

– Что? – не поняла его Наташа. – Что вы там ищете?

– Вот хренотень-то какая, не вижу. Неужели потерял? Подождите-ка, Наташа, поддержите, может быть, в куртке?

Он поменял местами черную из кожзаменителя новую папку на куртку в руках девушки, принялся тщательно рыскать по карманам.

– Да что вы ищете, гражданин адвокат, – Наталья, казалось, теряла терпение от молчания Павла.

– Да телефон, вот черт рассеянный, кажется, я его вытряхнул! – рассеянным взглядом он посмотрел на девушку. – С

балкона вытряхивал куртку после СИЗО и...

– Елы, так у меня есть, трудно спросить? А?

Девушка сочувствующе посмотрела на нового друга, казавшегося теперь наивным и потерянным.

– Уф, – Павел сразу пришел в себя, но заметил жалостливый взгляд, – хорошо, Наташа, если у тебя, – он решил, что бессмысленно выходить на формальность и что необходимо склонить сейчас девушку к сотрудничеству, – есть ее телефон, ты можешь ей позвонить?

– Да, вообще проблем нет.

Исходя из существующего положения, Павлу, собственно, лишь хотелось узнать, есть ли у самой Эллы или ее родителей ключ от дома, впрочем, проникнуть внутрь ему было все равно необходимо тем или иным способом.

– Я буду ждать тебя за забором внутри огорода, хорошо?

Согласовав, что кому делать, Наташа изящно, словно кокетка, поворачивая талией на ходу, поправляя на скорую руку забранные в пучок красивые волосы, направилась к своему дому. Павел выругал себя за то, что на долю секунды отвлекся от своего плана.

Внутри

Адвокат, отправив на всякий случай подальше от странного места девушку, остался рад, что с ней ничего не случится. Разглядывая внимательно снова эти не занавешен-

ные полностью окна, Павел стоял на прогнивших дощечках, проложенных поперек заросшего огорода. Подавшись назад, чтобы лучше рассмотреть помещение сквозь стекло, оступился за перекладину, разделяющую границы грядок, едва удержавшись на ногах. Выругался.

Надо было спешить. Скоро может подойти Наталья, а ему не нужны были свидетели. Еще раз осмотрев дверь, он заметил две утопленные головки гвоздей, уходившие в косяк прохода, тем самым служившие вместо замка.

– Чертовщина...

Павел был недоволен результатом. Планы нарушились, пришлось заново придумывать, как поступить с проникновением внутрь, взламывать же дверь считалось нарушением закона. Павел вновь выругался. Кинул быстрый взгляд на руку: часы показывали половину третьего, до отхода второго, и последнего, рейса теплохода «Москва» оставалось более трех с половиной часов. Вздохнув с облегчением, положил руки на бедра, с задумчивостью выдохнул, окидывая взглядом весь дом. К нему пришла спасительная мысль, обойти его кругом, в надежде найти уязвимое место или хотя бы маленькую лазейку, остальное посчитал он делом случая. Что до его серых кроссовок, то они уже довольно испачкались в земле.

Наталья, не успев попасть на крыльцо своего дома, тут же была остановлена криком своей матери.

– Отец чуть с ног не сбился, где тебя черт носит? Наталья,

сиди лучше дома или сходи, поищи подружек, к Федорчуку вон к своему сходи...

– Мама, Федорчук – он не мой, – кинув, чтобы мать успокоилась, открывая дверь в сени, Наташа, не закрывая ее, скрылась в полутьме.

Отыскав бумажник в куртке, висевшей на кухне, откинув несколько листков, наконец отыскала то, зачем пришла, обрадовалась. Элла плавно подошла к телефону, наигрывающему одну из современных мелодий.

– Алло, – пропела она в трубку, словно не проснувшись, отдернулась от громкого голоса. – Наташка?! Да не кричи так, говори, что случилось... Нет. Нет. Да не было у нас никаких ключей. Ладно, я тебе перезвоню, а что случилось-то? Ого, я даже и не думала об этом. Нет, сейчас не могу, у меня сессия, и я с мамой собираюсь в Турцию. А? – сказала она, будто в нос. – Нее, я вообще не хочу туда возвращаться, ну ты понимаешь? Там такое случилось... Фрр. Так... А? Да нее, я с ним даже не разговаривала... А? Сидит... А? Не знаю... Ага, ну пока, ладно. Чао-какао. Пока.

На крыльце послышался топот ног. Это Геннадий Петрович, отец Наташи, вернулся из дровяника, нарубив несколько поленьев для растопки плиты.

– Наталья, – по-видимому, он уже знал, что его дочь находится дома, старался как можно строже говорить, но не повышая голоса, – я тебя просил, чтобы ты не ходила туда, это плохое место.

– Но, пап, отчего же оно такое плохое, – дочь не отступала, – ты видел хоть раз, чтобы там когда-нибудь птицы дохли или коты?

– Коты не могут помереть сразу, у них на это семь жизней.

Геннадий Петрович появился на пороге. Он был в безрукавке и напоминал купца конца монархического строя. Короткие кирзовые сапоги отдавали бряканьем вделанных туда подшипников. Наташа никак не могла понять, зачем они там, но спросить все не позволяло время, то она забудет задать вопрос, то не желала говорить на эту тему, так как представлялись дела важней. Сейчас предстоял именно тот момент, когда можно сменить тему и увести отца в другое направление. Они оба улыбнулись друг другу, бросив нежный взгляд, показывая, что не сердится, мотнув головой, Геннадий Петрович сразу понял, как легко провела его дочь, сменив серьезный разговор. Аккуратно положил дрова под дверцей плиты.

– Дочка, ты не понимаешь всей истории этого дома.

Его прервала вошедшая в комнату Полина, заставив Наталью еще задержаться на некоторое время, ей не терпелось покинуть навязчивых родителей, но, решив их не огорчать, бросила в большую чашку отца пакетик чая и подставила ее под носик самовара, открыла миниатюрный кран. Тонкая струя кипятка попала прямо на пакетик. Геннадий Петрович, затопив печку, снял сапоги, принялся искать тапки с шерстяным верхом. Спустя минуты три, почувствовав, что все

успокоилось, Наталья спокойно вышла на улицу. Но остановилась на оклик матери.

– Наташенька, ты куда?

– Мама, все будет хорошо. Я скоро приду, погода, смотри, какая теплая, погуляю немного и приду, – ей не хотелось лгать, но иначе ее не отпустят к соседскому дому.

Полина, приняв на веру сказанное дочерью, успокоилась, но решила проконтролировать ее другими вопросами.

– Ты что, с Федорчуком пойдете гулять, наверное? – спросила она, развернувшись у входа в квартиру, впервые назвав правильно фамилию приятеля ее дочери.

– Да нее, мама, что ты... что ты мне приписываешь этого Федорчука, вон пускай с ним Федулова разбирается!

– Ладно, ладно, долго не задерживайся, – Полина Михайловна встряхнула медный таз, чтоб удобней ухватить его. Она собирала вчерашнее выстиранное белье во дворе, и оно тянуло книзу.

– К ужину приду.

В этот момент в дверях появился отец. Надев громкие из-за подшипников сапоги, собирался выносить мусор.

– Куда? – спросил отец, заметив прикрывающую калитку дочь. Настороженный, он переводил взгляд то на Наташу, то на свою жену, в голове которой возникло первое, что машинально пришло на ум.

– Да вон! Наверное, опять в тот чертов огород. Не лазайте там, доченька... – не зная,

в чем запрет, женщина повернула голову на мужа. – Я видела, ходили, наверное, к Филипповне с этим адвокатом... что-то выспрашивать.

Женщина, видимо, хотела добавить что-нибудь к своей реплике, но не успела.

– Наташенька! – мужчина, забыв, что он с помойным ведром, стал быстро спускаться с лестницы, направляясь к дочери. – Не ходите туда, ну ладно там у них, у прокуратуры, свои проблемы, ты только туда не суйся, я прошу тебя, – настойчиво сказал отец Наташи. Поставив на траву красное пластмассовое ведро, он, спеша, подошел к дочери. Пройдя сквозь незакрытую калитку, по-отечески обнял за плечи Наташу. Глядя в ее глаза, Геннадий Петрович старался всем своим желанием объяснить всю серьезность дела.

– Говорю тебе, Наташенька, здесь тебе нет шуток, это проклятое место.

Стараясь разубедить ее в своих действиях, он, не отрывая взгляда от нее, тяжело вздохнул, наконец решая сказать всю правду, но, боясь, что его собственная дочь может лишь посмеяться над ним и решить, что ее отец выжил из ума. Но иного выхода он не видел.

– Вчера вечером, когда вы с подружками гуляли где-то, я вышел во двор и случайно обратил внимание на дом Панкратовых, – Геннадий Петрович снова тяжело вздохнул, не решаясь продолжать, так как начало рассказа уже показалось ему подозрительным для нормального человека.

Он отнял от дочери руки, ждал, когда Наталья сама захочет узнать об окончании его истории, не выдержав и доли минуты, хотел развернуться.

– Ну, так че, папаня? Че там? Ты увидел там злобного мертвеца, разгуливающего по дому? – не без иронии спросила Наташа.

– Не знаю, Наташенька, – он понимал, что сказал лишнее, но глаза дочери заставляли продолжать рассказ, он повернулся к ней лицом, – конечно, это выглядит странным, но я... точно видел там...

– Ну?

– Там, внутри, свет, наверное, ночника, но он, понимаешь, явно отражал силуэт человека, который ходил по комнатам и все время почему-то осматривался. Потом я, конечно, подумал, что там кто-то поселился, я мог не заметить, может, в этот день приехал кто-нибудь из родственников...

– Папа!

У Наташи не было желания долго слушать отца, она быстро теряла терпение. И хотела скорей скрыться за маленьким домиком, где хранились овощи и другие вещи, банки с вареньем из крыжовника, диких яблок, черемухи и других ягод, маринованные помидоры и огурцы, сушился шиповник и грибы.

Солнце на небе припекало еще больше. Синее небо, казалось, очищалось от нависших с утра и невидимых под завесой утреннего тумана облаков. Лучи ниспадали прямо на

жесткие волосы девушки, она сняла джинсовую курточку. Геннадий Петрович немного зажмурил левый глаз.

– ...Я решил пройти туда, подойдя к двери, уже начиная чують, что здесь творится что-то неладное, в общем, мои подозрения, к сожалению, подтвердились. Прибитые двумя гвоздями двери оставались на месте. Точь-в-точь, как и раньше, их шляпки, забитые грязью, даже не были затронуты.

Наташа, казалось, сейчас окончательно потеряет терпение. Он словно предугадал слова, которыми его дочь захочет сейчас ему возразить.

– Конечно, дочка, я обошел весь дом, протоптал, осторожно ступая весь огород, – ничего. Никаких намеков на следы или тайный лаз. Пусто, – он развел руками с глупым выражением лица, стараясь хоть этим отвести от себя подозрение на паранойю, – земля целая, как ничего год назад не было сажено, так ничего и не возвращено этим, – проговорил он скороговоркой.

Наташа, собственно, так и предполагала. По ее небольшим наблюдениям сейчас складывалась довольно-таки понятная картина подозрений. За странным домом всегда был глаз да глаз, гуляя в своем дворе или выбегая к причалу, где обычно стирали белье, им приходилось ненароком видеть место происшествия. За последние три года, по крайней мере, проводимые здесь, на даче, в стороне от городской суеты, возле дома потерпевшего дяди Валеры, так называли его

местные ребята, она не замечала пенья ни одной птицы, даже не забегала на некоторое время чья-либо беглая собака – ни одно животное.

Наташа припомнила случай, как однажды вездесущий беспризорник колли Василий появился у проема открытой калитки этого двора, в то время как Валера с племянницей Эллой Березой и ее матерью готовили в шашлычнице шашлыки. Запах настолько разнесся по округе, что приманил добродушного пса неведомо откуда. Клавдия Захаровна, тетька Клава, сестра хозяина дачного дома, бросила недожаренный кусок собаке. Тому сделать три шажка – и лакомая еда окажется в его глотке. Василий же, напротив, вместо привычного дружелюбного виляния хвостом в знак благодарности, лишь оскалился на находящихся за забором людей и направился в обход по склону, перебирая лапами вдоль речки по другую сторону от семьи Панкратовых.

Время шло, облака, казалось, ожившие на небе, словно теряли свое настроение и вот-вот, набухнув темной синевой, сейчас хлынут проливными слезами от нелепой обиды. Наташа заметила перемену погоды.

– Но, папа, что ты хочешь мне сказать, что там находятся настоящие призраки?

– Не знаю, дочка, – Геннадию Петровичу и самому уже не нравился весь этот разговор о том, чего он и сам не знал, – одно тебе скажу: держись подальше от этих мест.

Он развернулся, не желая больше говорить о неприятной истории или о том, что касается мистики, к тому же случилось, что он ее распространитель. Но что бы в том доме ни происходило, как отец своей дочери Геннадий Петрович все же волновался за Наташу. Не желая больше продолжать считавшийся понятным лишь для безумных разговор и по добрав красное ведерко, мужчина направился в противоположную часть сада.

– Ну ладно, а как же адвокат, или кто он, детектив?

– А что адвокат? – спросил мужчина, обернувшись.

– Ну... как? Он остался там... – она мотнула головой в сторону ближайшего дома. – Мы договорились встретиться уже, наверное, пятнадцать минут назад. Я заходила искать Елкин телефон.

Мужчина, чье заросшее лицо напоминало лик последнего российского царя, словно его ужалила оса, бросив внезапно свою ношу, едва не задев Наташу, выскочил за ограждение. Ведро упало на землю, из него высыпался легкий мусор.

– Ты куда?

Геннадий Петрович, отреагировав на голос дочери, понял, что поступает неправильно. Не объяснив причину своего поведения, ринулся, будто в его уме случилось помешательство.

– Спасать твоего друга... – многозначительно сказал он.

Девушка, не понимая, что происходит с ее отцом, все же поспешила за ним.

Павел еще раз обошел одноэтажное деревянное строение, тщательно осматривая, останавливаясь, пытаясь отыскать допустимую скрытую лазейку. Оглядывая верх дома, опуская взгляд вплоть до осмотра деревянного поддона, лежащего на земле. В последний раз, задрав голову кверху, он стал обдумывать, как попасть в дверцу, ведущую во внутреннее помещение крыши. Крыша, покрытая, по-видимому, двухгодичным шифером, выглядела как новенькая. Единственное, что отдаляло Павла, – это расстояние до створок второго яруса, до самой дверцы тянулась четырехступенчатая лестница. Ему было плохо видно, но, как показалось, дверца была на замке, возможно, он подумал, это был обман зрения, к тому же наверху был единственный шанс очутиться в самом доме.

Солнце отражало от свежих деревянных панелей, которыми был околочен свод второго этажа, свои лучи, которые заставляли адвоката жмуриться. Подпрыгнув от притащенной откуда-то старой ванны и шатающегося стула на ней, Павел, оттолкнувшись, окончательно сломав его, успел зацепиться рукой за старый крюк, ухватившись другой рукой за край ската. С ловкостью скалолаза, набирая силы, что есть мочи стал подтягиваться ближе к краю чердака. Упираясь ногами о брусья дома, вскоре на руках подтянулся вверх.

Но заметил заветную дверцу, и надежда на успех при приближении к цели пропала, он почувствовал отчаяние. На дверце висел едва заметный маленький замок. Не решаясь

все-таки бросить едва преодолимое занятие, он решил продолжить упражняться в верхолазании, с упорством преодолевая каждое бревно, ощупывая их носком правой ноги, ища опоры повернее. Смотря вперед, Павел не заметил изменений, как крюк при помощи неизвестной силы чуть выдвинулся. Ухватившись об него, подтянулся еще, теперь доставая до самой крыши. Опершись для более надежного упора, чтобы в последующем без проблем отворить дверцу, попробовав нажать на нее и установиться на скате, пальцами зажал угол черепицы. Но внезапно край покрытия резко отошел в сторону, и молодой адвокат быстро начал набирать скорость в падении. Вновь встретившись с проржавевшей ванной, продавил ее спиной. Но это не остановило его. Он вновь попытался проделать эти движения. Но на этот раз падение его продлилось, незамеченно затянувшись. Его словно уносило далеко по туннелю глубоко под землю, засасывая притяжением земли в противоположном направлении от света. Груда старых листьев от удара тела адвоката взвилась вверх и медленно, заворачиваясь в танце, опустилась вновь на землю, укрывая остатки старой ванны.

Девушка еще раз прошла мимо этого места, куча старых листьев выглядела обычной, примятой от впитавшегося в нее талого снега.

– Что ты об этом думаешь? – спросил ее отец, почесывая голову, запихав в шевелюру пальцы.

– Быть может, он ушел у кого-то спрашивать, – подошла к нему Наташа, – о том о сем, он так заинтересовался этим домом... Посмотри, посмотри, па... Там, кажется, занавеска на кухне дернулась.

Мужчина подошел ближе к первому окошку, куда указывала его дочь. Встав на одну ступень крыльца, присмотрелся, стараясь заметить кого-нибудь внутри помещения.

– Никого там нет, – со вздохом сказал он.

– Но, папа, а как же адвокат, ведь не мог он провалиться сквозь землю все-таки.

– Кто его знает, Наташа, может, он гуляет где-то по поселку. Он зачем сюда приехал? Расспрашивать. Устанавливать, так сказать, правоту, в общем, вести свое дело, как и положено адвокатам, расспрашивать всех, искать, что может помочь этому... Как парня-то звали?

– Не помню.

Девушка не могла вспомнить имя друга ее подруги, но сейчас о нем не хотелось думать. Ее больше интересовало место нахождения адвоката.

– Может... па... может, взломаем дверь? – Наташа решила хоть как-то задержать отца, когда тот уже направился к выходу.

– Это противозаконно, дочка, – ответил отец, не оборачиваясь.

Однако он посчитал, что девушка не собирается покидать это место и ничем ее оттуда не вытащишь. Применять силу

он никогда бы не решился, но оставлять свою дочь в этом на вид мирном саду было нельзя. Он еще раз попытался убедить дочь покинуть это место и идти домой. Геннадий Петрович надеялся, что они сейчас уйдут. И в следующий раз, да и в последующие годы он ни за что не будет брать с собой Наташу. Вскоре к нему пришла мысль поскорее продать дачу.

– Ладно.

Мужчина уверенным шагом направился к крыльцу, несколько раз громко постучал в дверь. Не получив ответа, ударил по ней кулаком два раза. Дверь, как и следовало, ожидать, никто не открыл.

– Чертовщина какая-то, – сказал он, ругая себя за свои действия.

Не сходя со ступеней, замахнулся костяшками кулака над ближним окошком.

– Хэй, – крикнул он, обращаясь уже к кому-то, – черт, что за чертовщина какая-то...

– Что там, папа?!

– Да... ерунда какая-то. Там...

Мужчина не знал, как отреагирует его дочь. Внутри комнаты, ему показалось, на фоне белой печи метнулась чья-то тень, он решил не говорить об этом дочери, чтобы не показаться сумасшедшим.

– Ладно, доча, давай-ка пойдём лучше отсюда, а то, я чувствую, мы тут дотемна проторчим, так ничего и не выясним. Пусть этим занимаются специальные службы.

Геннадий Петрович, привыкший не верить в потусторонние силы и не доверявший рассказам, внушающим страх, слегка засомневался в своей правоте. Конечно, никаких служб по всей стране, занимающихся изучением паранормальных явлений, не существовало. Он имел в виду Павла, прекрасно понимая, что тот к этому делу никакого отношения не имеет. Но сейчас его задачей было поскорей вывести отсюда Наташу, несмотря на то, есть ли тут сверхъестественное или тень в комнате ему просто показалась.

Его предчувствие не подвело.

Спустя минуту послышался скрип. Оба оглянулись назад. Однако дверь по-прежнему стояла на месте. Переглянулись, будто поддерживая друг друга в том, что им пришлось слышать одно и то же.

Мужчина продолжил изучать дом.

– Ого! Ты знаешь, доча, а я тебя лучше сразу предупрежу, твой товарищ попал в кашу, перетертую с перцем, причем с очень даже что ни на есть красным.

– Что случилось, папа?

– Дверь-то не заперта...

– В смысле? Она же забита на гвозди, ты же сам тогда говорил, что видел их шляпки?

– Ах! Не нравится мне все это что-то.

Он ухватился за оттопырившийся край, ручки не было, с настороженностью начал ее открывать, дверь легко поддавалась.

В крылечной пристройке дома оказалось темно и несло сыростью. Все, как в обычных домах, в углу две земляные лопаты, грабли, но полки здесь оказались пустыми, не было законсервированных банок, обычно закинутых после заготовок и как традиционно забытых хозяевами, покидавшими дома на зимний период, они оставались покрытые пылью и отчасти, как и вся пристройка, мелкой паутиной.

– Так, – деловито произнес мужчина, – и что же у нас тут такое, гостей, наверное, не звали? А мы тут...

На краю

На кухне, ведущей в обе комнаты, от печи и пола ярко отражались лучи солнца. Наташа удивилась, заметив на одной из сторон печки нарисованных волка и зайца из мультфильма, она показала отцу. Ничего странного и тем более что-либо похожего на жуткость не замечалось. Все выглядело спокойным и мирным.

– Наташенька, ходи, пожалуйста, осторожней. Кто его знает, здесь никого не было уже больше года.

Павел почувствовал холодок по спине. Приоткрыл глаза. Ноги ощущали твердую поверхность. В помещении, где он находился, пахло сыростью и было немного мрачновато. Вскоре, немного осмотревшись, он решил, что находится внутри церкви или костела. Он не был крещен и никогда

не ходил в церковь, не верил в Бога, поэтому ему было трудно определить, к какой вере относился храм. На груди он заметил металлический крестик. У молодого адвоката пронеслось в голове, что тот висел там всю его сознательную жизнь. Что странно, металл совсем не ощущался. Пройдя от двери, встав на самый центр помещения, Павел стал всматриваться в лики святых, размещенные по разным сторонам одной стены, словно стараясь узнать, о чем те думают, но ему не удавалось. Рядом с другими иконами по разным сторонам помещения стояли медные подставки для свечей. В самом центре свисала огромная люстра, в которой рядами, сужаясь конусом кверху по обручам, стояли свечи для освещения.

Павел сделал по ступеням несколько шагов к иконам. Вдруг он услышал скрип входных дверей. Люди, проходившие друг за другом, постепенно заполняли зал. Среди них были женщины разных лет, покрытые платками, мужчины, при входе снимавшие головные уборы. Павел заметил, как ему казалось, что здесь могло уместиться более тысячи человек. Некоторые из пришедших негромко переговаривались между собой. Кто-то направлялся сразу к иконам, крепившимся на стенах церкви, крестился, кто-то ставил тонкую свечу в подсвечник, потом вновь оборачивался к образам святых, вновь крестился. Из-за высокой ширмы с навешанными на нее образами святых выбежал молодой послушник и попросил Павла отойти в сторону.

Стоя у кабинки, откуда доносились звуки песнопения, ад-

вокат еще несколько минут наблюдал за происходящим. Помещение зала вновь пополнялось другими людьми. Он повернул голову в сторону, когда из дверного проема ширмы вышла процессия. Сбоку запели что-то из псалтыря.

Он хотел подойти к ближнему об него человеку и спросить причину собрания, но тот принялся креститься вслед за другими собравшимися, когда священнослужитель в очередной раз усилил пение. Поймав на момент вслушивавшегося мужчину, Павел решил вновь обратиться, но встретил косой взгляд.

Внезапно он почувствовал, как его ноги быстро ослабевают. Не понимая себя, своих действий, Павел направился прямо к проему двух позолоченных ширм, в полутора метрах от которого стоял лицом к народу священнослужитель. Читая проповедь и временами растягивая слова, чуть приподнимая голову, он заметил вопросительные глаза прихожан и обернулся, когда к Павлу откуда-то подскочил все тот же послушник лет двадцати. Не реагируя на молодого человека в темной затхлой рясе, откинув в сторону руку, Павел уже не замечал, как его неведомой силой отшвырнуло в сторону. Ударившись об стену со святым Николаем, молодой человек упал на пол. Икона, ударилась рамой об его голову, разбилось стекло, и образ мученика заградил его лицо.

В зале слышались женские крики. Кто-то зарыдал. В глубине зала слышался детский плач, молодая женщина, державшая на руках ребенка, пришла в этот день крестить

дителя, поспешно принялась его успокаивать. Кто-то из пришедших от внезапно наступившего страха ринулся к выходу, но, не сориентировавшись, ударился о дверной косяк, остался на месте, потирая лоб. Священнослужитель, не зная, что ему делать, с удивлением старался справиться с наступившим ужасом, принялся машинально креститься, приговаривая слова молитвы. Павел заметил, что часть людей становилась на колени, делая то же, что и служитель. Постепенно так же начинали креститься и говорить какие-то не слышные для Павла слова, вставали на колени и те, кто еще недавно жался в углу, пытаясь выбежать на улицу. Люди, прибывавшие вновь, проходили внутрь и принимали ту же позу, что и остальные. Павлу казалось, что они даже не понимают, что происходит. Не понимал и он, но ждал. Так продолжалось около четырех минут. Не выдержав и не понимая своего положения, Павел дернулся, желая быстрее сойти с места, но не успел. Внезапно он был подхвачен невидимой силой, которая медленно поднимала его к куполу. Распростертый под сводом Павел напоминал крест, закрывавший яркий свет, источаемый из прозрачного купола. Внезапно все озарилось ярким светом. Просыпаясь, словно переходя из одной грани сна в, казалось бы, реальность, тусклый свет заменялся ярким, становясь еще ярче, пока наконец совсем не ослепил его и исчез, когда Павел, как показалось ему, пролетел сквозь него. Такая белизна сменилась другой картиной.

Появилась ярко-зеленая трава, шелестевшая под ногами,

в лицо поддувал ароматный легкий ветерок, все выглядело мирно и занимательно. В саду наливались спелые плоды – яблоки, груши, другие фрукты, их тут же хотелось попробовать. Но Павел почувствовал, что-то мешало. «Возможно, это совесть, – решил он, – а возможно...» Павел почему-то решил, может, грехи. «Грехи меня не пускают...» Для Павла происходящее становилось все интереснее. Его одолело неимоверное желание поскорей узнать, где он находится и кто хозяин этого роскошного земного рая. В голове возникла мысль: «Да, но почему земного?» Еще раз оглянувшись, он сделал первый шаг. Послышался чей-то голос. Не обращая внимания на него, посчитав, что это ему показалось, продолжил прогулку.

Небо было чистым и прекрасным. Со всех сторон доносился щебет невидимых птиц. Наконец Павел услышал первые внятные слова, они звучали повсюду.

– Ты узнал? Это рай, – слышалось, словно отовсюду, подтверждая его догадку.

– Бог?! Это... это... вы? – Павел узнал свой голос.

Он машинально стал вертеть головой в поисках хозяина голоса, но безуспешно.

Кругом были лишь деревья, диковинные цветы, чисто голубое небо, трава.

– Бог! – не отставал от невидимого собеседника молодой адвокат. – Скажи, где она, где Ева?

Ответа не последовало. Свет внезапно померк. Все мо-

ментально исчезло. Когда приоткрыл глаза, в голове, словно в бреду, вертелись слова, которые он произносил прихожанам, возвышаясь под куполом церкви. Но отчетливо слова так и не припоминались. Он снова крепко прикрыл веки, голова, казалось, раскалывалась.

Приоткрыв глаза, Павел понял, что прошло какое-то время, но, сколько он лежал в полной темноте, прикинуть трудно. Ощупав поверхность руками, он поднялся. Решил тронуться в путь, как тут же осознал, что идти было некуда. Необходимо обдумать свое положение. Поверхность напоминала гладкую твердь, но прогибалась, к тому же не ощущалось стыков соединения, как если это были бы плиты мрамора или гранита. В голову ничего не приходило: куда идти или даже ползти – не было никаких идей. В память возвращались последние минуты падения, и тут же все обрывалось. Приснившийся сон никак не объяснялся.

Стоп. Павел задумался, а вдруг это был не сон? Как объяснить, например, анализировал он, пытаясь занять себя, провал сквозь землю, сквозь гнилую ванну. Ощупал себя. Никаких переломов и порезов, нет даже царапин на теле, словно ничего и не произошло. Только будто выключили свет в его комнате, и, шутя, кто-то перенес его, спящего, на пол. Раздумывая, только сейчас заметил, что поверхность, на которой он сидел, была теплой. Павел что-то пробурчал, выругавшись.

– Здесь я! – послышался тонкий писклявый голосок рядом.

Павел долго не мог понять, откуда доносится скребущий голос и не показался ли он ему.

– Кто здесь? – спросил он в темноту.

– Кто-кто, я тут. Что ты?

– Кто я? – ответ насторожил адвоката. – Что... я?

– Черт. Ты же звал меня!

Павел не понимал, считая завязавшийся разговор с незнакомцем не более чем шуткой.

– Слушай. Я не знаю, кто ты. Зачем прикалываешься тут... Слушай, скажи, черт ты или черт возьми, где я?

– А что дашь?

– Что?!

– Не знаю что, может... – в голоске чувствовалась интрига и интерес. – Тогда и скажу.

Павлу не нравился завязавшийся разговор с незнакомцем, казалось, что тот с ним играет. Он досадно сплюнул в сторону.

– Мракобесие какое-то. Эй, черт, или как там тебя?

Павел повторил вопрос, ответа не последовало. Снова сплюнул.

– Послушай, если мы будем так швыряться, – послышался вновь противный писк, – а я имею в виду именно себя, не кого-либо, именно заметь... впрочем, ладно, Паша, так что ты предлагаешь, заметь, я предлагаю тебе сам.

В тонком голоске ощущалась нотка раболепства.

– Никому я еще не предлагал самому выбирать...

– Слушай, черт, или как там тебя, – перебил его Павел, по-прежнему не видя собеседника, бесшумно ступая на голос, пытаясь незаметно подкрасться, но в тот же момент, как только оказывался совсем близко, внезапно становился далеко от него, чтобы ухватить тело невидимки. Адвокат решил остановиться и лишь вести разговор с незримым объектом, а то, кто его знает, заманит еще куда-нибудь, а тут пока точка опоры хотя бы есть как-никак.

– Ты мне скажешь наконец, где я?! – кипело у Павла. – У меня дети, жена дома ждет, переживает, а я тут с тобой нянчусь, – соврал он.

Он попытался еще раз подкрасться, сделав несколько бесшумных шагов вперед.

– Эх, Пашенька, – слышался совсем близко скрипучий вздох, – и нет у тебя ни жены, ни детей, а обманывать, брат, знаешь сам, ой, как нехорошо.

Интонация незнакомца была иронична. Брюзгливый скрип голоса стал раздражать Павла. Он не мог сдаться. Словно неведомая сила его тянула на голос, который становился все лучше слышен и уже находился на расстоянии около метра от адвоката.

– Но если ты сделаешь сегодня выбор, а ты должен знать, Салтахов, черти, они ведь народ справедливый и мудреный – никогда не обманывают. Всего-то несколько грамм, а мне за

это нобелевскую премию выдадут, карты наложат на погоны, и буду я как помощник президента «первого кольца» ходить, туда-сюда расхаживать. А? Ну, как? Соглашайся, а?

Еще минута, можно наконец схватить недоброжелательного собеседника. Не терпелось. Павел сделал резкий прыжок. Раскинув руки, не задумываясь, что может ждать его там, впереди. Предчувствия молодого адвоката не подвели. Незнакомец испарился, но, однако, больше вновь не появлялся. Но Павел почувствовал, что снова куда-то падает. Не успев как следует выругаться и призвать кого-то на помощь, сильно ударился о твердую поверхность. Недолго залеживаясь, автоматически приподнялся. Как и в прошлый раз, ушибов нет. Приглаживая слегка растрепанные волосы, Павел заметил на кончике волос липкую жидкость, но не стал на это обращать внимания. Заглаживая назад волосы, случайно заметил, что никогда этого не делал раньше.

Сила

Он вспомнил имя собеседника. Нерешительно попытался позвать его, выдержав паузу, выкрикнул два раза во все тот же мрак, никто не отзывался, и теперь, как в первый раз, «наверху», казалось даже, голос его звучал глухо.

Не оглядываясь по сторонам, потому что это было бессмысленно, но вряд ли здесь, в полной темноте, подумал про себя Павел, есть выход. Не обращая внимания на беспомощ-

ность, ступая шаг за шагом, удивляясь своей неосознанной уверенности, Павел ощущал, что теряет страх. Неведомым знанием он понимал, ему необходимо туда, вперед. Внезапный легкий толчок направил его в другую сторону. Это была не злость молодого адвоката, но нечто контролирующее и имеющее огромнейшую силу. Павел моментально раскинул в стороны руки, будто волчок, описал вокруг своей оси один круг. Его поза напоминала парящего коршуна, только ладони с распахнутыми фалангами пальцев при этом держались вертикально. Все случилось моментально. Время будто остановилось. Рыская по сторонам, его глаза, словно пронизывая, сканировали пустоту. Вскоре, успокоившись, опустив руки, Павел опустил правую ногу, выйдя из образа зверя с хищническим взглядом. Ждать пришлось недолго. Тьма моментально, будто ее засасывало в неведомое пространство, исчезала, выявляя после себя мягкий свет.

– Вот так дела... – подумал Павел вслух.

Наконец тьма развеялась совсем, как пыль.

Павел стоял, окутанный в туман, как ему показалось на первый взгляд. Но, скорей, это был не туман. Нежность белоснежного покрывала напоминала Павлу белые облака, но отнюдь не холодные, от них, казалось, исходила некая свежесть. Хотелось улыбнуться, закрыть глаза и представить, что ты... Нет, даже и представлять ничего не надо. Павел ощущал, как сама жизнь пронизывает все тело.

Внезапно послышались шаги.

– Папа, подойди сюда, пожалуйста. Глянь...

Адвокат слышал девичий голос.

– Что, дочка? – ответил ей мужчина.

Геннадий Петрович, рассматривая старые журналы и художественные брошюры, покрытые едва прозрачной пылью, на полке книжного шкафа, хотел взять один из них. Журнал «Огонек» за 1976 год привлек его тем, что на нем сквозь пелену пыли угадывалось знакомое лицо, но кто был изображен на нем, рассмотреть не успел, его окликнула Наташа. Обогнув печь с рисунком, мужчина зашел в соседнюю большую комнату.

А Павел сквозь невидимую прозрачную пелену отчаянно пытался привлечь к себе внимание, едва уловимые черты Наташеньки, словно ударяясь о неведомую преграду, ее голос полностью исчезли в предбаннике дома, куда она направилась с отцом, и скрип двери дома окончательно заглушил голоса обоих людей.

Бывшая подруга Котрандашева Элла Береза сидела за компьютерным столом, стрекоча клавиатурой, выводя на мониторе текст реферата. Она готовилась к сдаче последней сессии «Отчет по бухгалтерской ведомости» какого-то производства, взятого из воздуха. Ее отвлек звонок.

– Привет, Елка, дома сидишь? – на пороге ее комнаты стояла подруга Эллы.

В этот солнечный день у Юлии было хорошее настроение,

у нее недавно прошел юбилей, и она решила показаться у своей подруги, к тому же у нее появился новый окрас волос. Этим новомодным введением ей тоже хотелось похвастаться.

– Ну, ты че, мать. Точно... Все? Уже едешь? – снимая туфли и запихивая маленькие ножки в мохнатые тапочки, спросила она о предстоящей поездке Эллы.

– Не понимаю, Элл, и на кой тебе сдалась эта Европа. Там сейчас, наверное, духота терроры всякие, наводнения. Телик-то смотришь? Ваще не понимаю. Можно предположить, что природа сама взбунтовалась против людей, – сказала Юлия.

– Чаю хочешь? – не реагируя на наигранное возмущение подруги, Элла предложила пройти на кухню.

– Так что же, а? – последовала за ней Юлия.

– Так... – Элла бросила пакетики чая в обе кружки, – знакомый там один у меня.

– Где, во Франции? Ни фига, слушай, а может, он живет на самих Елисейских полях? А, подруга...

– На Елисейских... – по-прежнему без интереса продолжала отвечать Элла, отпив горячий напиток.

– Вот как? – изумилась та. – Ты мне, подруга, как-то об этом никогда и не говорила.

Элла безучастно пожала плечами.

– И когда едешь? – спросила Юля.

– Двадцать пятого.

– Так это же послезавтра! Фотик, камеру взяла? Смотри, не забудь приготовить аккомы для нее. А то, как в Польше... Так и не привезла ничего, ладно?

– Я ее вообще, Юлька, не брала, – ответила Береза.

– Вот именно. О! Подруга... – Юля, о чем-то вспомнив, оставила недопитую кружку, вскочила с пуфика и заботливо бросилась осматривать комнату подруги, – так у тебя же ничего еще не собрано! Где? Где?..

Она стала что-то искать, с притворной суетой осматривая мебель. Раскрыв руки, с не менее притворным удивлением и улыбкой принялась шутливо корить ее.

– Не вижу, – произнесла она, стоя посередине комнаты, иногда прерываясь в словах, – где вещи? Подруга, тебе уже завтра нужно быть во всеоружии. Кстати, во сколько поезд у тебя. Утром или вечером?

Настроение у молодой красивой девушки было прекрасное. Она радовалась жизни, она радовалась за свою подругу, что та в свои молодые годы сумела побывать уже в нескольких странах, и притом, практически не отрываясь от учебы. Удивлялась тому, как ее подруга все успевает.

– Ведь ты на поезде едешь, да?

Элла не стала отвечать. Она медленно подошла к ней, в руке ее был молоточек для отбивания мяса, не говоря ни слова, подала в руку Юлии.

– Зачем? – та удивленно посмотрела на нее. – Ты хочешь взять его с собой, – улыбка еще таилась на ее губах, – что ты

им будешь делать, отбивать мясо в номере люкс, ха-ха-ха?

Но на Элли шутка не подействовала. Юлия сосредоточилась, не зная, что подруга может ей преподнести в эту минуту. Сделав сочувственную гримасу о неудавшейся шутке, она надеялась, что Элла примется все же за приготовление сумки на колесиках к отъезду.

– Ну, ты, подруга, и иронична, – единственное, что пришло ей на ум.

– Бей себя, – шепотом сказала Элла.

На лице девушки с каштановыми волосами улыбка превратилась в кривую маску. Юлия, не снимая ухмылки над шуткой подруги, будто под гипнозом, приняла молоток и ударила по своему лицу. Ребристая часть вошла в мягкую ткань кожи, оставив красные следы. Не отводя взгляда от рядом стоящей и смотрящей прямо на нее, словно манекен, подруги, Юлия продолжала наносить по своему лицу удар за ударом.

Девушка даже не понимала, что делает. Глядя через просачивающуюся кровь, ее словно интересовало, что будет в последующем. С каждым разом удар ее руки усиливался и спустя некоторое время она, занеся в последний раз молоток, потеряв сознание, упала на пол, не приходя в себя.

На утро следующего дня девушку нашли мертвой. В заключительном этапе этого расследования являлась умпомрачение самой пострадавшей, и дело по этому поводу прекратилось.

Для изготовления обложки использована художественная работа автора.